

УДК 802.2:801.55=161(075.8)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОМОНИМИИ И СМЕЖНЫХ ЯВЛЕНИЙ КАК ПРИЕМ КОМИЗМА

Г.А. Хайрутдинова

Аннотация

Статья посвящена языковой игре, основанной на сходстве звучания языковых единиц, как средству создания комического эффекта. Новизна и важность исследования обусловлены связью описываемой проблемы с анализом проблем омонимии. На теоретическом уровне проблема омонимии языковых единиц решается на основе идей В.В. Виноградова.

Полное или частичное звуковое сходство морфологических средств языка, участвующих в создании комического эффекта, не было предметом специального лингвистического анализа, что и обусловило наше обращение к этой сфере научных разысканий.

Проблема приемов (средств) создания комизма является дискуссионной. Полемический характер проблемы обусловлен сложностью самого объекта исследования, а также нерешенностью отдельных вопросов, относящихся к основным понятиям лингвистики.

Одним из таких вопросов является установление сущности омонимов и их таксономического представления. Знакомство с трудами ученых (например, Ю.Д. Апресяна, О.С. Ахмановой, Л.А. Булаховского, А.Н. Гвоздева, Н.П. Колесникова, А.И. Смирницкого, Д.Н. Шмелева и др.), исследовавших проблему омонимии, выявило существенные расхождения в их позициях.

При описании омонимии важен вопрос отграничения данного явления от случаев полисемии. Известно, что эти два типа парадигматических отношений в лексике можно более или менее успешно дифференцировать с помощью опоры на принцип Е. Куриловича (неуникальность, повторяемость семантического противопоставления) и критерий Ю.Д. Апресяна (неэлементарность, или нетривиальность, общей части значений).

Дискуссионной в лингвистике является проблема уточнения границ омонимии и смежных с ней явлений. Полагаем, что при рассмотрении этого вопроса наиболее целесообразен подход В.В. Виноградова, считавшего недопустимым смешение омонимов с разнообразными типами омофонии: «Омофония – понятие гораздо более широкое, чем омонимия. Оно охватывает все виды единозвучий или созвучий – и в целых конструкциях, и в сцеплениях слов или их частей, в отдельных отрезках речи, в отдельных морфемах, даже в смежных звукосочетаниях. Термин «омонимия» следует применять к разным словам, к

разным лексическим единицам, совпадающим по звуковой структуре во всех своих формах» [Виноградов 1960: 4, 6].

Омонимами в собственном смысле этого слова принято называть полные (абсолютные) омонимы. К полным омонимам, представляющим один из примеров формальных оппозиций тождества (Э.В. Кузнецова), мы относим слова, обладающие одним и тем же общим морфологическим значением, совпадающие с точки зрения звучания и написания во всей совокупности своих словоформ (т. е. с учетом всей парадигмы) и различающиеся по своему лексическому значению (ср. сходное определение в [Вороничев 1999: 45]).

В качестве способов создания смешного омонимия и смежные явления в той или иной степени рассматривались в трудах таких лингвистов, как Л.А. Булаховский, В.В. Виноградов, Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова, В.З. Санников, А.А. Щербина и др. Однако с точки зрения исследования комизма, порождаемого морфологическими средствами русского языка, использование единозвучий и звуковых подобию не получило всестороннего и глубокого освещения.

Разработка проблемы на первоначальном ее этапе позволила предположить, что набор средств омонимии и смежных явлений на уровне морфологической подсистемы языка довольно узок и представлен, скорее всего, лишь грамматическими омонимами и некоторыми видами созвучий, различающихся по грамматическим характеристикам. Дальнейшая работа по анализу и систематизации эмпирического материала показала, что репертуар разновидностей языковых средств, привлекаемых для каламбурного обыгрывания их звукового сходства, весьма разнообразен. Классификация данных средств по результатам проведенного исследования выглядит следующим образом.

1. Омонимия. При анализе морфологических средств комизма может быть рассмотрена каламбурная игра разными грамматическими формами полных омонимов. Так, в следующем примере рифмующиеся строки содержат две одинаково звучащие языковые единицы: форму винительного падежа множественного числа существительного *станция* 'большое селение в казачьих районах' и форму родительного падежа единственного числа субстантива *станция* 'то же, что стая' [Ожегов 1985: 662]:

Журавлиные **станции**
 Гонит времени опала.
 С тополей вблизи **станции**
 Желтая листва опала.
 (Я. Козловский. «Осень»)

2. Смежные с омонимией явления.

2.1. При описании явлений этого круга в первую очередь отметим игру звуковым сходством грамматических омонимов. В лингвистической литературе принято разграничивать две разновидности грамматических омонимов (омоформ): слова одной и той же части речи, у которых совпадают по звучанию лишь отдельные формы, и совпадающие в звуковом составе слова разных частей речи. Характеризуя первую разновидность омоформ, Л.А. Новиков пи-

шет, что объектом омонизации в этом случае «является лексема и часть лексемы, поэтому совпадение форм омонимичных слов здесь следует определить как включение: $x^1 \supset x^2$ » [Новиков 1995: 39]. Пример такого типа содержится в шутовском стихотворении Б. Заходера: здесь в смысловом фокусе оказываются два омонимичных существительных – *икра* как 'масса из яиц рыб-самок' и *икра* в значении 'округлая мышца на задней стороне голени человека' [Ожегов 1985: 212]. Первое существительное в кодифицированной речи имеет форму только единственного числа, тогда как для второго субстантива возможна оппозиция по числу: *икра* – *икры*. На своеобразной игре лексических и грамматических значений этих омонимов и строится интенция автора:

Не странно ли?	Зато у нас,
У рыбы – осетра	Уж как мы ни хитры, –
Нет вовсе икр , –	Есть две икры –
А все же есть икра !	Но часто нет икры ...

(Б. Заходер. «Насчет икры»)

Совпадение в звучании отдельных форм разных частей речи (вторая разновидность грамматических омонимов) представлено главным образом в так называемых каламбурных рифмах, которыми пользовались многие поэты XIX – XX веков: А. Пушкин, П. Вяземский, Д. Минаев, Э. Кроткий, Ю. Левитанский, Я. Козловский и др. Например:

На пикнике, под тенью **ели**
 Мы пили более, чем **ели**,
 И, зная толк в вине и в эле,
 Домой вернулись еле-еле
 (Д.Д. Минаев)

Я себя проверяю на крепость:
 Компромиссы – какая **напасть**!
 Я себя осаждаю, как крепость,
 И никак не решаюсь **напасть**
 (Л. Филатов. «Компромисс»)

В прозаической речи грамматические омонимы, в том числе рассматриваемой разновидности, используются довольно редко:

Пока уборщица топала, спотыкаясь о **пищали**, которые громко **пищали** от этих спотыканий, царь взялся за трубку старинного резного телефона с двуглавым орлом. (В. Ардов. «Литературная штамповка, или пиши как люди!» Отрывки из пособия для начинающего литератора. Исторические романы. 3. Халтурщики.)

Здесь же особо стоит отметить такие употребления омонимичных частей речи, которые являются как бы грамматическими «родственниками». Речь идет о тех словах, которые связаны друг с другом исторически – по своему происхождению. Так, известно, что деепричастие *хотя* в современном русском языке уже не употребляется и представляет собой явный архаизм. Однако с определенной авторской установкой оно может быть использовано в речи и будет понято ее адресатом. Союз *хотя*, который, по мнению лингвистов [Шанский, Боброва 1994: 354], исторически восходит к омонимичному деепричастию, в

современном русском языке используется без каких-либо стилистических ограничений. Столкновение этих двух омонимов – союза и устаревшей формы деепричастия – в составе лингвистически мотивированного художественного контекста и создает комический эффект:

*Всю жизнь страстно **хотя** стать полноправным глаголом, деепричастие **ХОТЯ** докатилось до положения уступительного союза, **хотя**, казалось бы, чего уж больше ему уступать!* (Ф. Кривин. «Цель и следствие»).

2.2. К сфере смежных с омонимией явлений относится употребление собственно омофонов, т. е. единиц, совпадающих по звучанию, но имеющих различия с точки зрения их графического изображения и грамматических (или лексико-грамматических) признаков. В приводимом далее примере установка автора на формирование у читателя комической реакции опирается на игру омофонами, входящими в состав разных лексико-грамматических разрядов существительных:

*Разрыв случился из-за двух вер. Одна **вера** в бога, другая в красном платочке, просто **Вера**, ткачиха тож* (В. Шишков. «Развод»).

2.3. Логично было бы предположить, что в составе морфологических средств комизма можно рассматривать и созвучные языковые единицы, совпадающие по написанию, но различающиеся ударением и грамматическими (лексико-грамматическими) признаками. Однако в наших материалах такие примеры обнаружены не были. Имеются лишь случаи, когда сходные по звучанию слова различаются и по написанию, и по ударению, а также по своим лексико-грамматическим признакам:

Строгал не сто́ляр, а столя́р,
Но до́ску – не доску́.
И слушал в одиночестве
Не «То́ску», а тоску́
(Ф. Кривин. «Песенка об орфоэпии»)

2.4. Следующую разновидность смежных с омонимией явлений составляет игра звуковым сходством целого слова и части другого слова. Иногда совпадающие по звуковому составу языковые элементы представляют собой одну и ту же морфему:

Мне ведом путь,
который им неведом:
не зайцеедом быть, а зайцеведом!
И пусть погибну я от зайцелюбья –
но, зайцелюб,
останусь зайцу люб я!
(Ю. Левитанский. Пародия на
М. Львова «Маленький Гулливер»)

Чем хуже зрение, тем лучше мировоззрение. (Б. Крутиер)

В других случаях сходно звучащие языковые элементы семантически друг с другом не связаны:

Были же сомнения, были же мечты, но были же и надежды, что сомнения развеются, а мечты – осуществятся!

Были же...

Бы, Ли, Же... Три маленькие частицы, в которых все это выразилось с наибольшей силой (Ф. Кривин. «Служебные слова»).

2.5. Основанием для возникновения комизма служит звуковое совпадение разных морфем, что может быть рассмотрено в качестве еще одного смежного с омонимией явления. Сюжетно оправданная игра омонимией флексий существительных, относящихся к одному и тому же формальному классу слов (второй подтип субстантивного склонения), но принадлежащих к разным грамматическим классам с точки зрения категории рода (ср.: *дядя* – существительное мужского рода; *тетя* – женского) использована в следующем фрагменте текста:

Но попался же чурбак!

Не расколется никак.

Раз-два, раз-два,

Будто рубит голова.

Все поехало кругом:

Небо

Улица,

Ворота,

Поле,

Курица

И дом...

Тетя Боря с дядей Катей

На крыльце пекут пирог –

Дядя Катя тесто месит,

Тетя Боря ест творог.

(О. Григорьев. «Дрова»)

2.6. Как отдельную разновидность целесообразно анализировать созвучия, представленные, с одной стороны, одним словом и сочетанием лексических единиц – с другой. Традиционно подобные созвучия используются в каламбурных рифмах. Например:

За то, что привычку **имели**

Губить в непогоду суда,

Бесславные рифы **и мели**,

Ужель на вас нету суда?

(Я. Козловский. «Ужель на вас нету суда?»)

2.7. С целью достижения комического эффекта могут сближаться слова, частично совпадающие по своему звуковому составу, – стилистический прием, для обозначения которого обычно используется термин *парономазия* (*паронимическая аттракция*). В пределах парономазии принято различать нарочитое

соединение родственных слов, звуковое сходство которых обусловлено их живыми словообразовательными связями, и неродственных слов, звуковое подобие которых имеет случайный характер. Нарочитое использование в одном контексте родственных слов, относящихся к разным частям речи, – традиционный прием порождения комической реакции в произведениях юмора и сатиры:

А он-то, Дмитрий Наумыч, депутат советский, **доходит** до меня мелким **ходом** и здоровается (М. Зошенко. «Пациентка»).

*Поздравляю вас с самыми **покупающими** в мире **покупателями**, которым можно продать все, что угодно! Ура!* (В. Гречанинов. «Кусочек монолита»).

Сближение в составе художественной речи неродственных слов, звуковое сходство которых случайно, некоторыми учеными называется поэтической этимологией. Как отмечает Р.О. Якобсон, поэтическая этимология нередко является лингвистической мотивацией комизма в произведениях словесного искусства, порождая различного рода шутки, каламбуры [Якобсон 1987: 298]. Этот общий тезис распространяется и на явления морфологии. Игра лексическими и грамматическими значениями неродственных слов, принадлежащих к разным частям речи, образует лингвистическую составляющую комических впечатлений в шутливых афоризмах, притчах: *О Гамлете: **принципиальный принц**; Музыковед утверждал, что **опера** должна быть **оперативной*** (Э. Кроткий).

Значительной экспрессивностью обладает сближение сходных по звуковому составу единиц в том случае, когда они различаются не только частеречной принадлежностью, но и своей валентностью. Так, сближение в сознании говорящего сходных по звучанию словоформ *беру* и *перу*, в результате которого субстантивная форма, выступающая в составе устойчивого сочетания *коллеги по перу*, полностью редуцируется, передавая свои сочетаемостные возможности глагольной форме, приводит к эффекту грамматического скандала, обусловленного нарушением обязательных для соблюдения грамматических норм: *Это были его коллеги по «беру»* (Э. Кроткий).

Поэтическая этимология как способ создания смешного часто используется при намеренном сближении в тексте половых квазикоррелятов (термин М.А. Кронгауза) типа *баран – баранка, гранат – граната, датчик – дата, пастух – паста, осел – оса, свинец – свинья* и т. д. Приведем примеры некоторых квазикоррелятов в составе контекста:

Улетает Селезень	Что ж ты ищешь, Селезень,
В дальнюю сторонку –	В том краю далеко?
За морями Селезень	Селезенка, Селезень,
Ищет селезенку ...	У тебя под боком!
	(Б. Заходер. «Селезень»)

Обыгрывание звукового сходства онима с нарицательным существительным нередко встречается в эпиграммах. Один из вариантов использования названного приема, заключающийся в весьма неожиданном, индивидуально мотивированном сближении слов благодаря их частичному звуковому подобию, позволяет подчеркнуть звуко-символический смысл собственного имени, а также усиливает конкретность и индивидуальную неповторимость данного речевого жанра:

Усилия Василия**Осилить** был не в силе я.

(А. Раскин. Эпиграмма на Василия Ардаматского)

Сколько у **Асеева**Лирического **сеева!**

(А. Архангельский. Эпиграмма на Н. Асеева)

Выразительностью обладают также случаи паронимастического сближения онима и нарицательного субстантива, которые опираются на традиционно осмысляемые отношения их этимонов. Данный прием может использоваться в сочетании с другими, например, аллюзионной отсылкой к известной паремии *из молодых, да ранних*:

Писатель, инженер – он **многогранен**.«Из молодых, да **Гранин!**»

(Б. Тимофеев. Эпиграмма на Д. Гранина)

Summary

G.A. Khairutdinova. The use of homonymy and contiguous phenomena as means of comicality creation.

The article is dedicated to the playing of the sound affinity of language units as the means of comicality creation. The novelty and the topicality of the research are determined by the fact of dealing the present question in connection with the analysis of homonymic problems. At the theoretical level the homonymic problem of language units is solved by relying on some of the ideas of V.V. Vinogradov within the framework of the “field” principle of language structures organization. The present approach enabled the author to realize an original systematization of morphological means, participating in creation of comical impressions.

Литература

1. *Виноградов В.В.* Об омонимии и смежных явлениях // Вопросы языкознания. – 1960. – № 5. – С. 3–17.
2. *Вороничев С.В.* Об омонимии и смежных явлениях // Русская речь – 1999. – № 6. – С. 43–51.
3. *Новиков Л.А.* Таксономия омонимии (на материале русского языка) // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность: сб. ст. – М.: Ин-т рус. яз. РАН, 1995. – С. 37–45.
4. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: ок. 57000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз., 1985. – 797 с.
5. *Шанский Н.М., Боброва Т.А.* Этимологический словарь русского языка. – М.: Прозерпина, 1994. – 400 с.
6. *Якобсон Р.О.* Новейшая русская поэзия // Якобсон Р.О. Работы по поэтике: Переводы / Сост. и общ. ред. М.Л. Гаспарова. – М.: Прогресс, 1987. – С. 272–316.

Поступила в редакцию
16.02.05

Хайрутдинова Гульшат Ахматхановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры сопоставительной филологии и межкультурной коммуникации Казанского государственного университета.